

УДК 94(47) + 94(436)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/2

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ О ДОЛИНЕ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ДУНАЯ*

А.С. Будилович

Резюме

Статья представляет собой часть из отчета А.С. Будиловича о заграничной командировке 1872-1873 гг. Он посетил Германию, Австро-Венгрию, Румынию, Сербию, Черногорию, европейскую часть Турции. Командировка охватывала и славянские земли Австро-Венгрии. Особое внимание ученый уделил Буковине, Молдавии, Валахии, Трансильвании, Подкарпатской Венгрии и Хорватии. Он познакомил российское общество с русинами Буковины и Угорской Руси.

Поездка имела важное значение и для личной жизни ученого. Он познакомился с видным деятелем русинского возрождения А.И. Добрянским и его семьей. Впоследствии Будилович женился на его дочери Елене.

Ключевые слова: А.С. Будилович, славяне, русины, Австро-Венгрия, Буковина, Угорская Русь.

TRAVEL NOTES ON THE VALLEY OF THE MIDDLE AND LOWER DANUBE**

A.S. Budilovich

Abstract

The article presents part of A.S. Budilovich's account about his travel abroad in 1872-1873. He visited Germany, Austro-Hungary, Romania, Serbia, Montenegro and the European section of Turkey. The trip also took in the Slavic lands of Austro-Hungary. Special attention was given to Bukovina, Moldavia, Wallachia, Transylvania, Subcarpathian Hungary and Croatia. He acquainted Russian Society with the Rusins of Bukovina and Hungarian Rus'. The tour had significant meaning for him personally. He

* Извлечено из отчёта командированного за границу для приготовления к профессорскому званию магистра славянской филологии А.С. Будиловича.

** Drawn from the travel account abroad for the preparation of a Masters of Slavic Philology and Professorship by A.S. Budilovich.

became acquainted with the prominent figure of the Rusin Revival, A.I. Dobriansky, his family and later with his daughter Elena.

Keywords: A.S. Budilovich, Slavs, Rusins, Austro-Hungary, Bukovina, Hungarian Rus'.

Совершив несколько этнографических экскурсий из г. Черновиц по окрестным селениям Надпрутской долины, я отправился (29 августа 1873 года) на юг, в Придунайские княжества, с целью хотя бегло ознакомиться с общественными и народными отношениями этих стран, с их главнейшими центрами, с движением их литературы и науки. На почву румынской, или волошской народности я вступил в г. Сучаве, а оставил ее в Мармарошском Сиготе, посетив по очереди Яссы, Галац, Бухарест, Брашево¹, Сибин², Колошвар³, Дебрецин. Затем я пробыл несколько недель в среде наших ближайших заграничных соплеменников, угорских русских, в их городах: Сиготе, Гуште, Мукачеве, Унгваре, Бардееве, Пряшеве и в некоторых деревнях Землинской и Шаришской жупаний. Наступили затем осенние месяцы, не совсем удобные для деревенских экскурсий, вследствие чего я предпочёл провести их в городах. Рассчитывая найти что-нибудь поучительное и для себя на Венской всемирной выставке, я отправился в Вену и имел возможность более или менее внимательно изучить интересовавшие меня (археологические и этнографические) отделы. Из Вены я еще раз посетил Прагу, где собрал некоторые данные для характеристики современного общественного и экономического положения Чехии, Моравии и австрийской Силезии, а равно и некоторые другие материалы этнографического и историко-литературного характера. Из Праги я отправился затем в Пожун⁴, а оттуда в Пешт, где оставался более полутора месяца (4 декабря 1873 – 25 января 1874 г.), совершив оттуда две небольшие экскурсии - в Вышеград и в некоторые центры Словенской земли (Турчанский св. Мартин, Кляштор под Зниовым, Зволян, Банская Быстрица). Наконец, в конце января месяца я перебрался из Пешта в хорватский Загреб. Таким образом, вторую половину 1873 года я посвятил преимущественно изучению территории, населения и истории следующих стран: Буковины, Молдавии, Валахии, Семиградья, Венгрии (Подкарпатской) и Хорватии. Не могу сказать, чтобы знакомство мое с этими странами и теперь, после путешествия в них, было особенно полное и обстоятельное. Для этого необходимо было бы на каждую из них отдельно посвятить, по крайней мере, полгода времени. Мне же пришлось ограничиться лишь самым существенным - в знакомстве с положени-

¹ Кронштадт.

² Германштадт.

³ Klauseburg.

⁴ Pressburg.

ем, отношениями и историей вышеназванных стран и их населения, отложив изучение частных до другого, более благоприятного случая. Притом в настоящем очерке я могу представить лишь краткие беглые намеки на то, что будет развито в подробном описании моего путешествия, которое я надеюсь издать впоследствии.

Русское население Буковины составляет до 250 000 душ, хотя статистическим показаниям центральных австрийских комитетов, равно как и показаниям народных переписей, верить абсолютно невозможно, потому что эти переписи всюду почти и притом довольно систематически направлены на преуменьшение (хотя кажущееся) населения славянского в пользу всякой другой народности - немецкой, мадьярской, итальянской, румынской. Единственное в этом отношении исключение составляют поляки, которых местная статистика не только не преследует, но даже заметно покровительствует им - за счёт русских. Вообще же можно сказать, что русский элемент даже статистикам внушает наиболее забот и заставляет их постоянно прибегать к разным приемам - конечно, фиктивного лишь - его ослабления. В Буковине это совершается с помощью румынского элемента, в Венгрии - с помощью мадьярского, отчасти даже словенского. Как бы то ни было, русское население в Буковине составляет абсолютное большинство. Границы его трудно определить, потому что они не идут по одной определенной линии, а, напротив того, во многих местах прорывают этнографическую черту румынов и смело врезаются в глубь их народной территории. Оттого ни Прут, ни Серет не могут быть названы пограничной русско-румынской рекой. Есть острова русские и за Серетом, на Сучаве, даже под самой Кирли-Бабой, на крайнем юго-западе провинции близ границы Семиградья. Я расспрашивал местных старожилов о том, в которую сторону раздвигается область народная, и почти все уверяли меня, что это совершается в пользу народности русской и на счёт румынской. Это тем замечательнее, что румынская народность является здесь привилегированной в сравнении с русской. В руках румынов находится большая часть крупных поземельных участков. Они имеют преобладающее влияние и в светских, и в духовных управлениях, потому что и немцы, влиятельные в местной администрации, гораздо нежнее относятся к богатой «панской» народности румынской, чем к бедной мужицкой - русской. Румыны имеют несколько гимназий, русские - ни одной. Даже в семинарии духовной, где русские решительно составляют большинство, русские ученики должны учиться на румынском языке, должны учиться на румынском языке проповедовать впоследствии в русских приходах! И, несмотря на все это, русская народность в Буковине ширится, а румынская - убывает.

Что касается народного типа, то нужно различать здесь три элемента русского населения.

Самый многочисленный из них - гуцульский. Этот горный тип встречается не только в горных и пограничных с румынами частях Галиции и Буковины, но и в закарпатском (венгерском) Мармароше. В этом типе замечается сильная примесь крови волошской. Не в одном только высоком росте, смуглом лице, стройной осанке и гордых приемах отражается эта примесь южной крови, но и в costume, в песне, в музыке, в обстановке быта, в языке гуцула. Уж одна женская юбка в виде двух связанных платков (спереди и сзади) достаточно свидетельствует о румынской «моде» у гуцульских красавиц в Буковине, в округе Коломыйском и в комитете Мармарошском. Столь же родственны между собой оригинальные мотивы музыки гуцульской (коломыйка) и волошской. Замечательно, что те же мотивы составляют особенность и цыганской музыки, господствующей как в Придунайских княжествах, так и в Венгрии собственно мадьярской. Один русский путешественник выразил мне свое удивление по поводу странного сходства музыки цыганской с персидской. Не принесли ли цыгане этой музыки из Азии (Индии, Персии), и не послужили ли румыны лишь распространителями этих мелодий в среде прикарпатских горцев? Кажется, что и евреи хлебнули из этого музыкального источника. Танцы гуцульские и волошские тоже очень сходны⁵. Даже «дипломатическим» языком у гуцулов при плясках служит волошский (как в цивилизованных обществах - французский)! На волов своих гуцул тоже кричит по-волошки (но относительно лошадей и собак я встречал в Буковине применение немецкого языка, как «международного дипломатического»: *vorwärts, gückwärts* и т.д.). Подобно румыну, гуцул предпочитает кукурузу всякой другой пище. Мамалыга, плачента - любимые его блюда. Какая-то затем поистине волошская беззаботность и легкомыслие отличают гуцула⁶. Конечно, в этой последней области трудно решить, где оригинал, а где копия: русские ли от волохов или волохи от русских заимствовали свою лень, беспечность и страсть к пьянству. Или это признак их общей принадлежности к «ориенту», к «греко-славянскому» культурному миру? Несомненно только, что и мадьяры в этом отношении - наши «восточные» братья. Только у них эта лень еще величественнее, а беспечность еще первобытнее.

Было бы, однако, несправедливо все общее в типе и быте рус-

⁵ Называются они, например, кордия, сербин, аркан, козак, коломыйка или русский танец.

⁶ Но гуцулки гораздо солиднее, трудолюбивее, скромнее волошек. На них держится общественный порядок гуцульского края.

ских и волохов приписывать одностороннему влиянию вторых на первых. Еще могущественнее, без сомнения, было влияние первых на вторых, что и отразилось не только в современном языке волохов, но и в массе волошских исторических памятников, писанных на русском языке. Ниже еще будет речь об этом; теперь же заметим лишь факт чрезвычайного сходства между русскими и румынами, и притом так, что подоляне русские похожи на молдаван, а горцы (гуцулы) - на волохов в собственном смысле, или «мунтян».

С другой стороны, очень вероятно, что большую долю гуцулов составляют обрусевшие волохи. Это видно, между прочим, из географической номенклатуры карпатских жилищ гуцулов. Волошский язык запечатлелся в названиях гор и равнин на всем почти протяжении Карпат, но преимущественно в южной, гуцульской их части. Нет сомнения, что одним из важнейших деятелей в этой совершившейся здесь русификации румынов был церковнославянский богослужебный язык, лишь недавно вытесненный румынским. Нет сомнения, что и другие элементы народные присоединились к образованию этого любопытного гуцульского типа, но важнейшим, основным долженствовал быть волошский. В исторических изысканиях о том, когда, в каком веке совершилось образование этого типа, когда и как он вошёл в Буковину, поселился и все далее в ней распространился и распространяется, пускаться здесь не стану, так как это вопрос мало еще разъясненный. Буковина была, между прочим, полем борьбы Польши с Турцией, что не могло не отразиться и на населении этой области. Оно прежде было очень малочисленно и углублено в горы. Но со времени присоединения к Австрии область быстро населилась и развилась. Вероятно, в это уже время преимущественно расширилось в Буковине и гуцульское её население. Как бы то ни было, в настоящее время это самый сильный из элементов местного населения, разрастающийся, несмотря на все неблагоприятные условия. К вышеизложенным соображениям о румынской основе гуцульского типа можно привести еще одно обстоятельство, не лишенное своего значения. Все, можно сказать, буковинские гуцулы суть православные, а не униаты. Зовут же они себя и волохами⁷, но не русскими: русский в Буковине означает униата. Почему это? Потому, что волох действительно еще упорнее в православии, чем русский. Хотя в Семиградье есть и румыны-униаты, но в Буковине таковых почти нет: все буковинские униаты⁸ суть позднейшие (после

⁷ Волохами, но не румынами. Про румын же один русский крестьянин сказал: «У них вера московская, а язык цыганский».

⁸ Местная власть и здесь, как всюду, поддерживала унию. Довольно характерно, хотя и неумышленно выразился один не совсем безграмотный униат, ответив на вопрос: какой ты веры? – «Я цесарский католик!»

Иосифа II) выходцы из Галиции. Но число таких униатов-русских в Буковине очень незначительно: для униатской пропаганды оказалась в Буковине почва равно неблагоприятная как между волохами, так и между гуцулами.

Кроме этих двух частей русского населения Буковины - гуцулов и галицких переселенцев-униатов, есть там еще третья, незначительная по числу, но важная по идеям, какие она представляет, и по энергии своих членов. Это липоване, то есть великорусские раскольники, имеющие здесь, в Белой Кринице, свою митрополию - не только для Буковины, но и для всего русского староверческого мира.

Я не стану распространяться здесь о религиозном направлении и значении этих белокриницких раскольников. Скажу только о той репутации, какой они тут пользуются между другими элементами населения. Каких-нибудь 5 000 душ в трех-четырёх деревушках, а сколько труда, какую деятельность умеют они развить в стране! Своей особой специальностью считают они земляные работы. И действительно, значительная часть дорог и мостов, рвов и каналов - не только в Буковине, но и в смежных частях Галиции - произведены этого горстью «мужиков-инженеров». В последнее время они ходят на работы и в Бессарабию. Говорят они на чистейшем великорусском языке; живут строго, честно и зажиточно; на людей других народностей и исповеданий смотрят с недоверием, но и вместе с каким-то высокомерным сознанием своего превосходства. В последнее время между ними образовалась партия, желающая возвратиться в Россию, примириться с землей своих предков; но митрополит и его штат очень неблагоприятно относятся к этой мысли, боясь потерять свое «папское» влияние по удалении их из своего белокриницкого Рима. Примирение с этими упрямыми людьми очень подняло бы авторитет России между другими заблудшими её детьми, например липованами в Молдавии и некрасовцами в дунайских плавнях и Добрудже. Известно, что этим турецким теперь русским принадлежат в настоящее время плавни, то есть гирлы Дуная. В 1853-1854 годах они составляли авангарды турецких войск; но теперь я замечал в разговорах с некоторыми из них недовольство своим положением и как бы тоску по родине своих отцов.

Впоследствии в Яссах, Галаце и Бухаресте мне пришлось встретить еще другой вид русского раскола, именно скопцов; но те производят впечатление уже другого рода. Конечно, и они не потеряли русской сметки и находчивости; они трудолюбивы и бережливы, зажиточны и трезвы. Но уродство физическое кладет и на духовную их сторону какое-то темное, злое пятно. На гладком, равнодушном их лице читаешь невольную какую-то затаенную злобу, подавленное страдание и как бы презрение к себе и к людям. В Придунайских

княжествах, вероятно, наберется до 1000 приверженцев этой мрачной секты. Большая их часть занимается извозчичьим промыслом в больших городах. Лучшие рысаки в обеих румынских столицах, самые изящные экипажи, блестящая сбруя принадлежат этим русским скопцам. Мне случалось слышать, что общество румынское потому и смотрит сквозь пальцы на вскрывающиеся по временам безобразия этой секты, что боится потерять несравненных своих кучеров-извозчиков. А кто бывал в Яссах и Бухаресте, тот знает, какую громадную роль играет в жизни этого легкомысленного общества катанье по Corso или шоссе...

Скажу теперь несколько слов об интеллигенции буковинских русских. К сожалению, как и во многих других славянских землях, она далеко не соответствует своему народу - ни по количеству, ни по качеству. Особенно падает этот упрек на русское духовенство Буковины. Других интеллигентных русских сословий здесь и быть не может. Помещики - почти все румыны либо немцы, евреи и армяне. Между чиновниками хотя и есть русские, но они должны соображаться со своими начальниками, преимущественно немцами. Между учителями тоже есть русские, но они должны преподавать либо на немецком, либо на румынском языках и таить свои народные чувства. Духовенство могло бы быть более заботливым о нравственных потребностях своего народа. Нужно вспомнить, что нигде почти в Австрии духовенство не представляется столь обеспеченным материально, как в Буковине. Прежде богатства буковинского духовенства были еще значительнее. Иосиф II, закрыв здесь двадцать один монастырь (из 25), наложил руку и на церковные имущества. Из имуществ этих образован был так называемый *Studien und Religions-Fond*, который в Буковине и в настоящее время представляет до 11 миллионов в капиталах и до 10 миллионов в имениях (особенно леса, составляющие почти половину всех лесов Буковины). Как ни плохо управление этим фондом, все же духовенство буковинское получает с него более 700 000 флоринов. Имея в виду, что сумма эта распределяется на духовно-религиозные потребности народа менее чем в полмиллиона душ, можно понять, что положение православного духовенства Буковины довольно обеспеченное. Лучшим доказательством этого служит нововоздвигаемая в Черновцах резиденция православного епископа, ныне митрополита Буковины и Далмации. Это одно из громаднейших и красивейших, но вместе с тем одно из самых дорогих зданий Австрии. Более миллиона издержано уже из сумм религиозного фонда Буковины на сооружение этого здания, а оно еще далеко не окончено. Странно видеть такую расточительную роскошь в резиденции православного владыки полумиллиона (но с Далмацией все-таки менее миллиона) душ! Уже

одна эта резиденция может служить достаточным указанием как на богатства буковинской церкви, так и на неумение ее пользоваться этим богатством...

Не из одного источника слышал я также о жадности некоторых, другие говорят - очень многих православных священников Буковины. Эта жадность при исправлении треб бывала даже поводом к соращению православных буковинцев в унию, духовенство которой гораздо безупречнее в этом отношении. Что касается развития народного сознания в большинстве русского православного духовенства в Буковине, то недостаточность его видна уже из того, что в его среде чрезвычайно распространено употребление немецкого языка. Это не только дипломатический, но и семейный язык значительной части русского священства Буковины. Нельзя отрицать, что есть и теперь уже несколько дельных и ревностных патриотов в среде как духовной, так и светской интеллигенции русской в Буковине, но это исключения, хотя приятные, но, к сожалению, довольно редкие. В этом отношении даже Галиция гораздо выше Буковины. Есть в Черновцах, правда, клуб «Русская беседа». Прежде было даже две: гражданская и ученическая; потом они слились воедино; но особенного оживления в местную общественную русскую жизнь они не внесли. Отношение интеллигенции румынской к русской (в Буковине) довольно верно можно охарактеризовать размерами основного фонда черновицких «бесед»: румынской, с одной стороны, и русской - с другой. Фонд первой доходил до 50 000 флоринов, а второй - едва до 1500 флоринов.

Что касается влияния, какое может иметь октроированное недавно австрийским министерством иерархическое соединение Буковины с Далмацией, то оно едва ли будет вредно народным интересам славян буковинских или далматинских. Как ни противоестественна эта административная комбинация, она, однако, оказалась более неприятной румынам, чем славянам. Первые предпочли бы союз церковный с любой страной румынской, например Семиградьем и Молдавией, так как мысль о сближении разрозненных частей «великой Дакии» занимает не последнее место в голове румынских патриотов. Естественным же центром тяготения церкви буковинско-русской был бы восток, если бы этому не препятствовали многие обстоятельства внутренние и внешние. Во всяком случае, нельзя отрицать, что природа, и страны, и население приковали Буковину к славянскому востоку еще более, чем к волошскому югу, не говоря уже о задунайской Германии. Сюда, на восток, текут все реки Буковины; сюда направлены все ее торговые пути; сюда стремятся инстинкты населения. Каждое лето масса буковинских горцев спускается в соседнюю Подолию, Бессарабию и далее до Днестра

и Черного моря на заработки. Лишь немногие из русских Буковины ходят в Молдавию.

Во всяком случае, эта небольшая, но интересная область во многих отношениях заслуживает внимания русских ученых. Своими преданиями, своим населением, своими интересами она связана с соседними областями Южной России. От западных центров науки она слишком удалена и в прямом, и в переносном (нравственном) смысле. Оттого она очень мало еще исследована как в физическом, так и в историческом отношении. Существующие описания Буковины⁹ не выходят за пределы кратких популярных очерков, особенно в исторических и археологических своих отделах. История буковинских монастырей исследована отчасти львовским ученым О.А. Петрушевичем; но, к сожалению, лишь незначительный ее отрывок был напечатан в одном исчезнувшем уже теперь черновицком периодическом издании. Очень было бы желательно побудить г. Петрушевича обнародовать продолжение своего труда; он обозрел и архивы буковинских монастырей, вследствие чего труд его должен быть очень важен для истории Южной Руси политической и религиозной, с Приднестровьем и Припрутьем. Мне удалось рассмотреть еще один рукописный труд о Буковине, именно этнографическое описание одной ее части (Бергомет над Прутом и соседние селения), со сборником песен, пословиц и т. д., составленное г. Купчанко и находящееся ныне в распоряжении Киевского отдела Императорского Русского географического общества. Этот сборник включает немало интересных данных, но он обнимает лишь незначительную часть русской Буковины. Здесь я решаюсь высказать убеждение, что в интересах науки русской этнографии, было бы очень желательно, чтобы Русское географическое общество обратило свое внимание на этнографическое изучение и закордонных частей русского племени, то есть на русское население Галиции, Буковины и Восточной Венгрии. Это тем важнее, что значительная, а именно подгорная часть этого населения доныне осталась на довольно патриархальной ступени общественного развития и потому представляет в живом виде много исчезнувших уже везде черт древнерусского быта, нравов, обрядов, поверий и т. д. Немалую в этом отношении услугу оказало русской науке Московское общество истории и древностей изданием сборника народных песен галицких, а отчасти буковинских и венгерско-русских И.Ф. Гловацкого. Но область эта неистощима и неисчерпаема в научном отношении. Между тем в последнее

⁹ Например, *Bendella: Die Bukowina*, 1845; *Bukowina, Heimathskunde Czernowitz*, 1872; *Bukowina, Bericht d., Czernowitzer Handels und Gewerbe Kammer*, 1873; *Simiginowicz-Staufe*, *Bodenplastik der Bukowina*, Kroustadt, 1873.

время, после многих изменений в общественных и народных отношениях австрийских народов (с 1848 года), старые условия быта сильно потрясены даже в самых недоступных культурным влияниям ущельях Карпатских гор. Пути сообщения, школы открыли туда доступ новым элементам, новым идеям: в Галиции преимущественно польским, в Буковине – немецким и румынским, а в Венгрии – мадьярским. Поэтому с каждым днем понемногу гибнет здесь народная русская старина в быте и понятиях, гибнет, следовательно, драгоценный материал для этнографа, археолога и историка. Было бы очень поэтому желательно, чтобы наши этнографические южнорусские экспедиции распространялись по возможности и на подкарпатские области русского племени.

Перехожу теперь к соседней южнорусам и во многом чрезвычайно им родственной народности румынской, или волошской.

Границ строго определенных эта народность не имеет. Правда, что некоторые румынские мечтатели определяют эти границы реками Днестром, Тисой и Дунаем, но на пространстве, обнятом этой линией, живёт несколько миллионов нерумынов, во многих случаях более или менее сплошными массами, как, например, мадьяры в Бихарском, Аразском, Чанадском, Ченградском, Бекешском и т. д. комитатах; сербы в западном Банате, русские в Мармароше, Угочском, Сутмарском, Заболотском комитатах, в Коломыйском округе, Северной Буковине, в низовьях и гирлах Дуная. Даже внутри их собственной территории есть значительные острова инородцев, например острова зикских секляров, затем брашовских, сибинских и быстрицких саксов в Семиградье. Значительную часть городского населения в Молдавии составляют евреи, а в Валахии – болгары. Города же придунайские представляют пеструю смесь всех почти восточных и некоторых западных народов. Стоит пройти по площадям и набережным Галаца, чтобы составить себе понятие о разнокалиберной смеси толкущихся здесь народов. Рядом встречаете вы тут и греческий фес, и турецкий тюбан, и румынскую овчинную шапку, и швабский цилиндр, и еврейскую мыцку. Такое же смешение в языках, в лицах, в нравах.

Румынская народность представляет чрезвычайно любопытное этнографическое явление. Тут повторяется то, что замечается и между евреями: противоречие между языком и бытом, формой и содержанием. Кто назовет еврея немцем, несмотря на все то, что он говорит в семье и в общественных отношениях на немецком как на родном языке? Столько же трудно назвать романцем волоха, хотя говорит он на одном из романских наречий. В самом деле, что общего с западными соплеменниками своими имеет этот волох? Что его роднит с ними: вера ли, общественный ли строй, характер или

быт? Зайдите в его церковь. Правда, теперь вы уже не услышите звуков славянского языка, но увидите еще всюду славянские буквы, ибо и Куза не в состоянии был вытеснить кириллицу из церковного употребления, даже при румынском языке. А если икона подревнее, то непременно вы прочтете на ней славянскую надпись. Взгляните на этот купол, который возвышается над вами, на эти стены, разукрашенные оригинальной живописью, на стиль этих зданий, на характер этой живописи: разве это романский запад? Пройдитесь по любому волошскому городу, конечно, не немецкому только, по улицам Ясс, Галаца, Бухареста, присмотритесь к этому раскидистому простору, к этим то грязным, то пыльным улицам, к постройке этих одноэтажных пёстрых домиков с плоскими крышами: разве это не наш родной привольный, но безалаберный восток, тот же восток, который преследует вас всюду, где живет славянин, грек, турок, волох, мадьяр? Войдете вы в волошскую деревню, посмотрите на эту деревянную «архитектуру», на эти соломенные крыши, присмотритесь к домашней утвари, к их хозяйственным приборам, к узорам их тканей, прислушаетесь к мотивам их песен, приглядитесь к характеру их плясок и сколько найдете во всем этом поразительно сходного со славянским, особенно же с малорусским! Та же поэзия и та же беспечность; то же добродушие и то же отсутствие самообладания; те же величавые приемы и та же неповоротливость в обращении; та же верность своим религиозным преданиям и суеверие столь же невежественное. Даже белые украинские быки с бесконечными рогами также неизбежны в каждом почти волошском селе. Только лицо несколько смуглее, жестикуляция живее, кровь жарче. К торговле и ремеслам волох обнаруживает очень мало склонности. За него это исправляют евреи в Молдавии, болгары в Валахии, а саксы и другие немцы в Семиградье и Венгрии. Волох столь же исключительный земледелец, как малоросс или мадьяр. Лишь в горах он пускается - и то по нужде - в промыслы.

Впрочем, нужно различать - как всюду, так и здесь - волоха-горца и волоха-подолянина. Первые называются там мунтянами; а вторые иногда смешиваются с названием молдаванина. Отношение между ними почти то же, что между гуцулом или верховинцем (в Венгрии) и подолянином русским. Первый несколько грубее, суровее, но и энергичнее; последний мягче, добрее, но и апатичнее. Между первыми есть целое сословие пастухов, знаменитых волошских пастухов, распространивших свое имя и приемы пастушеского дела не только по Карпатским, но отчасти и по Балканским горам. Оттого в разных славянских наречиях и донныне слово «влах» служит почти синонимом пастуха. Не они ли разнесли волошские названия по целому гребню Карпатов до самых Татр, между которыми тоже есть

одна гора Волошин? Центром и исходным местом этих волошских мунтян были, по-видимому, Альпы Семиградские - южные и восточные. Едва ли другому обстоятельству, как не недоступности этих гор, румыны обязаны своим народным спасением. И баски лишь в горах спасли свою народность в круговороте веков и тысячелетий. То же было с кельтами, албанцами, осетинами и др.

К вышеизложенным чертам сходства или этнографического сродства между румынами и славянами можно присоединить еще одну печальную историческую примету. До последнего времени румыны всюду почти и в полном смысле слова были беззащитными общественными париями. Не стану вспоминать здесь вековой неволи турецкой, немало сроднившей румын со славянами общностью страданий. Приведу лишь один факт из истории семиградских румынов. Известно, что они составляют в Семиградье громадное большинство населения в сравнении со всеми другими элементами - мадярским, секлярским и сакским. Тем не менее политический триумvirат семиградских народностей состоял из мадяров, секляров (тоже ветвь мадяров) и саксов! Румынов словно там и не существовало! Но еще тяжелее этого политического рабства было рабство социальное, крепостная зависимость от помещиков, имевших громадное значение как в Семиградье, так и в княжествах, значение, не вполне утраченное и в настоящее время. Правда, что румынские крестьяне эмансипированы и в Австрии (1848 г.), и в княжествах (1864 г.). Но эмансипация эта не освободила их от зависимости. Аристократический элемент слишком силен здесь не только громадными своими богатствами, но и солидарностью интересов, привычкой господствовать, превосходством образования, влиянием на правительство. Нужно при этом вспомнить, что как в Венгрии, так и в княжествах власть находится преимущественно в руках инородцев, в которых, следовательно, румынская народность не может ожидать особенного к себе расположения. Как бы то ни было, румынский народ представляется в настоящее время почти повсеместно расколотым на два очень различных слоя, между которыми мало сродства в быте и в интересах. Верхний класс - боярство, знать, и низший - *misera contribuens plebs*. Большая часть того, что сказано выше о румынах, относится преимущественно к последнему, низшему классу народа. Он же составляет и громадное большинство, может быть, 90 % населения, так как интеллигентный класс вообще здесь очень незначителен. Раскол между двумя классами румынского народа так силен, как, быть может, был в России некогда, при Анне Иоанновне или Петре III. Разница эта немало усиливается и тем обстоятельством, что румынская, то есть между румынами живущая аристократия в значительной части - иностранного происхождения: в Венгрии - мадярского и немецко-

го, а в княжествах - греческого, турецкого, сербского. В Венгрии даже религия разделяет знать от простого народа: первая принадлежит преимущественно к протестантам (мадьяры - кальвинисты, немцы - лютеране) или католикам, а последний исповедует православие. В княжествах этого различия нет; но стремление к нему и здесь начинает пробиваться. С тех пор как между румынской интеллигенцией стал пробиваться романизм, или, лучше сказать, «галломания», появилось кое-где и стремление эмансипироваться от востока и примкнуть к западу в религиозном отношении. Первый удар направлен был на славянский язык в богослужении, второй - на кирилловскую азбуку в гражданской и духовной литературе. Но на этом пока и остановилось дело. Корни румынизма слишком глубоко всосались в почву православия, чтоб одним усилием можно было их вырвать из этой почвы и пересадить на другую. Впрочем, религиозный индифферентизм составляет уже теперь преимущественную религиозную атмосферу, в которой растет и развивается румынская «интеллигенция». Вследствие этого так сочувственно отнеслась она к тому сильному удару, который нанесён румынской церкви князем Кузой через секуляризацию церковных имуществ и упразднение всех почти румынских монастырей в княжествах. Конечно, часть ответственности за это равнодушие общества к интересам своей церкви должна пасть на голову служителей последней, слишком часто забывавших свои обязанности в отношении к своему народу и живших своими интересами, личными и кастовыми. Но, с другой стороны, значительная часть церковных доходов княжеств должна была отсылаться в патриархию и употребляться на цели, часто противоречащие интересам румынской народности. Во всяком случае, общество вправе было требовать от своего правительства, по крайней мере, употребления секуляризованных имуществ на цели религиозно-нравственные. Иосиф II также взял в казну монастырские имущества в Австрии; но он образовал из них *Sudien und Religions Fond*, тогда как в Румынии те имущества поступили в число государственных, употребляются на армию, пути сообщения и т. д., на вещи, конечно, нужные, но очень различные от тех, на какие они пожертвованы завещателями. После этой конфискации церковных имуществ румынское духовенство утратило и остаток своего веса и значения. Боярство не имеет в нем противовеса своим олигархическим стремлениям.

Несмотря на потерю дарового крестьянского труда, румынские бояре находятся все еще в довольно блестящем материальном положении. Доходы в 50 000 или 100 000 червонцев - не редкость между ними. К сожалению, в последнее время между ними стал сильно распространяться вкус к роскоши, к разорительным путешествиям, а вследствие этого они стали входить в долги. Конечно, дол-

ги показывают развитие кредита, но здесь они служат признаком важного общественного переворота - перехода крупного землевладения и капиталов от волошских бояр к немецким спекулянтам, евреям-ростовщикам и греческим торговцам. Что выиграет от этого народ, покажет время.

Вообще современное общественное состояние Румынии не представляется особенно утешительным. Не стану касаться здесь неурядиц политических и плохого состояния румынских финансов (несмотря на все выгоды естественного положения страны, на превосходное качество почвы, обилие водных путей, близость к торговым хлебным рынкам). Не стану распространяться о легкомыслии румынского общества, легкомыслии в отношениях семейных и общественных, о призрачной свободе народа, с благодарностью, но и с грустью вспоминающего о временах графа Киселева, когда господствовал закон и для сильных, и для слабых. Не буду говорить о деморализации политических представителей народа, о их готовности служить под каждым «выгодным» знаменем. Скажу лишь несколько слов о состоянии образования в княжествах.

Несмотря на то, что в крае есть два университета и несколько гимназий, состояние школ в Румынии, по собранным мною сведениям, очень печально. Достаточно привести тот, например, факт, что в городе Галаце с более чем 70 000 населения существует лишь 4-классная гимназия. Кто ищет для своих детей серьезного образования, посылает их в немецкие гимназии в Брашево, Сибин или Черновцы. Аристократия воспитывает детей в разных заграничных заведениях. Лучшие профессора княжеств - те, которые вызваны из Семиградья и Буковины. Любви к литературному и ученому труду заметно еще мало. Книжные магазины Ясс, Бухареста и т. д. наполнены произведениями французской литературы. Замечательно это одностороннее пристрастие румынского общества к Франции! Немецкий и английский языки и книги здесь еще мало распространены и не популярны. По-видимому, немало содействовал этому Наполеон III, его слава, обаяние его имени, его влияние, господствовавшее здесь особенно с 1856 года; Куза немало потрудился в этом направлении. Русский язык мало кому известен в княжествах; русская книга - величайшая тут редкость. И однако все симпатии народных масс румынских, все ее надежды еще в большей мере устремлены на Россию, чем симпатии интеллигенции - на Францию. Немецкая же наука и политика пользуются здесь самым слабым влиянием и на интеллигентное общество, и на массы. Судя по всему этому, русская литература, русский язык имеют там будущность, но настоящее почти безраздельно принадлежат французскому языку и литературе.

Собственно румынская литература чрезвычайно еще бедна и скудна. Сам язык литературный еще не установился, и правописание не определилось окончательно. По количеству и качеству своих произведений румынская литература не может сравняться и с сербской, не говоря о чешской, польской или русской. Любимейшую область изучения, конечно, и здесь составляют отечественная история и древности. Со времени Кантемира уже кое-что сделано¹⁰, хотя, к сожалению, много вредит румынским историкам какое-то пренебрежение их к славянским языкам и к истории соседних славянских народов, с которой румынская история переплетена самым неразрывным образом. Историк румынов и мадьяр должен быть славистом, а славист принуждён включить Румынию и Венгрию в круг своего изучения, если хочет понять историю славян, соседних с этими странами и отчасти и их населяющих. Большое преимущество перед своими товарищами имеет в этом отношении новейший историограф Румынии г. Хаждев (Hasdeu). Уроженец Бессарабии и воспитанник Харьковского университета, он имел возможность изучить русский язык и обратить внимание на другие славянские наречия. Ему обязана славистика изданием многих важных кирилловских исторических памятников, касающихся истории придунайских стран в его «Archiva istorico a Romanici» (Бухарест, 5 выпусков). Но обширнейший и важнейший труд г. Хаждева составляет его «Istoria critica a Romanilor», которой 1-й том вышел в прошлом году в Бухаресте. План этого сочинения, обнимающего внутреннюю и внешнюю историю всех областей древней Дакии (область между Днестром, Тисой и Дунаем), задуман очень широко, может быть, слишком широко. Автор предполагает поочередно рассмотреть территориальную, политическую, религиозную, общественную, экономическую, литературную и другие стороны румынской истории, что должно составить содержание 20 или 30 больших томов. Первый том (4⁰) обнимает территориальную историю румынов с древнейших времен. Нет сомнения, что автору удалось разрешить немало темных вопросов из географии древней и новой Дакии, и очень желательно, чтобы наши слависты обратили внимание на этот труд. Я имел возможность лишь бегло перелистывать это сочинение и потому воздерживаюсь от критики, хотя не могу умолчать, что мне показались неуместными многочисленные экскурсии автора в область исторической методологии и философии, которые лишь затрудняют и автора, и читателя, а несколько не относятся к специальному

¹⁰ Kogălniceanu M. Cronicele României. 2-е изд. București, 1872; Carra. Istoria Mold. și Valach. București, 1857; Laurianu. Istoria Romanilor. 4-е изд., 1863; Latino. Istoria generala a Daciei. București, 1872.

предмету его исследования. Г. Хаждев редактирует еще румынский ежемесячник по части истории и критики «Троянова колонна», не лишенный интереса и для славистов.

Лучший топографический обзор княжеств составлен г. Фрунелеску (Dictionaru topograficu Zi Statisticu alu Romanici, 1872). Самый значительный сборник народных румынских песен составлен известным румынским поэтом Александри¹¹. Есть еще сборники Помпилиу (Balade populare Romane. Jassi, 1870), Wartha (Dorulu. Бухарест, 1873) и др.

Из работ еще не напечатанных упомяну об обширной истории Молдавии, составляемой г. Гармазаки в Черновцах. Архимандрит Августин в Яссах показывал мне румынскую рукопись составленной им «Истории молдавских монастырей Няцца и Секула» на основании рукописей монастырских архивов. Я просил отца Августина предоставить эту рукопись в русском переводе какому-нибудь из русских ученых обществ или изданий, так как в княжествах не представляется удобным издать это сочинение. Автор согласился на мою просьбу, но исполнил ли он ее, мне неизвестно. Сочинение это любопытно потому, что Нямецкий монастырь играл очень важную роль в истории молдавской церкви. Еще несколько лет тому назад там было до 800 человек братии, из коих до 100 было русских, большую часть образованных людей¹². Но с тех пор, как против славянского языка воздвигнуто гонение в румынской церкви, большая часть братий Нямецкого монастыря из славян разошлась. Хотя монастырь этот и поныне не закрыт, но потерял свое прежнее значение.

Существует еще один труд по истории румынских монастырей и церковных имуществ¹³; он составлен секретарем русского консульства в Галаце г. Елисицыным; автор отдал его в мое распоряжение, и я надеюсь со временем сделать этот труд доступным для ученой публики.

Из ученых хранилищ Румынии особенного внимания заслуживает Бухарестский центральный архив. В нем находится значительное количество и славянских рукописей. Часть их издана г. Хаждевым в вышеупомянутом его «Архиве». Остальное ждет еще исследователей и издателей.

¹¹ Poezii populare ale Românilor, 1866.

¹² По рассказам одного из бывших братий этого монастыря.

¹³ Об этом предмете есть сочинение румынское: *Bolliac. Mănăstirile din România*. București, 1862; но, писанное по заказу правительства, оно слишком тенденциозно и односторонне.

Публичный музей бухарестский не особенно еще богат, но любопытна частная археологическая коллекция майора Папазоглу¹⁴, в которой находится много римских древностей Дакии. Кроме того, есть в этом музее и греческие, турецкие, славянские древности - грамоты, иконы, утварь и т. д. Вообще, коллекция эта очень интересна и довольно значительна; если бы она была продана в Россию, чего очень желает владелец, то была бы хорошим дополнением к собираемым в наших музеях древностям Таврического полуострова и Черноморского побережья.

От княжеств перехожу к румынам Семиградья и Венгрии; впрочем, по этому поводу немного остается прибавить к сказанному уже выше о румынской народности. Замечательно лишь то, что румыны являются в этих областях представителями населения почти исключительно горного, в такой же мере, как словаки в Верхней Венгрии или, например, немцы в Чехии. Каждая более обширная и плодородная долина занята здесь саксами либо мадьярами. С последними побегамы Семиградских гор на запад и северо-запад оканчиваются и последние румынские селения. Произошло ли это от позднего сравнительно появления и распространения здесь румынов или от несчастий их прошлого, от несправедливости к ним соседей и пришельцев - поработителей, не станем теперь разбирать. Упомянем лишь, что естественным и понятным последствием этого обстоятельства была и есть бедность румынов семиградских, в сравнении с зажиточными саксами и мадьярами. А рядом с бедностью шла беспомощность и преследования - политические, религиозные, народные. Румынское племя дало Венгрии несколько знаменитых имен (Гуниад, М. Корвин), но само мало извлекло пользы из их исторической деятельности. Стоит проехать несколько соседних деревень румынских, с одной стороны, и мадьярских или немецких - с другой, взглянуть на деревянные лачужки и бедные деревянные же православные церкви первых - и просторные и чистые каменные дома и каменные же белые церкви (лютеранские, кальвинистские и католические), с высокими башнями последних, чтобы сразу заметить различие экономического их положения. Румынское население и здесь является со всеми «атрибутами» славянства - бедностью, подавленностью, каким-то парием в среде других народов! Вековое давление сломало здесь отчасти прославленное упрямство румынов в православии: часть их приняла уже унию.

В последнее время и в среду австрийских румынов семиградских и венгерских начинает проникать идея народного самосознания. 1818 год и для них в этом отношении был знаменательным. Впер-

¹⁴ См. брошюру: Muzeul Papazoglu. București, 1865.

вые восстали они тогда на своих притеснителей и видели унижение мадьяр на сцене истории международной. С тех пор мадьярам не удастся уже усыпить пробудившееся и развивающееся народное сознание румынов. Конечно, оно не приняло еще широких размеров, не достигло самоуверенности и смелости; но рано или поздно оно должно будет завоевать себе признание и уважение.

Что касается литературы семиградской, то всего более сделано в этом отношении немцами, которые имеют в Сибине общество истории и древностей и немало уже сделали для археологического и этнографического изучения края. Особенно много потрудился для этого Шуллер¹⁵. Нельзя удивляться тому, что немецкие ученые довольно односторонне дают предпочтение в Семиграде своей народности, то есть саксам, и почти игнорируют румынов. Из среды же последних до настоящего времени мало еще выходило самостоятельных исследователей. Во главе их должен быть поставлен бывший митрополит семиградских румынов Шагуна. Из иностранцев стоит упоминания, кроме почтенного немца Ресслера, еще англичанин Бонер, издавший довольно обстоятельное описание природы и населения Семиграда.

Не менее румынов важную роль в славянской истории и политике играл и играет другой тоже неславянский народ - мадьяры. Судя по той роли, какую он теперь играет в Австрии, можно бы подумать, что это очень многочисленный народ. Между тем, по достоверным статистическим данным, число мадьяр едва превышает число словаков и уступает в численности народностям чешской, сербской, болгарской, польской, румынской. Территория, на которой он живет в более или менее сплошных массах, довольно верно определяется следующими пограничными городами: Пожун (Пресбург), Пешт, Мешковец (Miszkolez), Дебрецин, В. Арад, Сегедин, Печуг (Fünfkirchen), В. Канижа и Каменец (Steinamanger). Естественным центром этой мадьярской территории представляется г. Кечкемет. Вне этой пограничной черты остаются лишь два более значительных острова: один на севере от Пешта, на территории словацкой, на склонах гор Черхата и Матры; а другой на юге, на территории румынской, на западных склонах гор семиградско-молдавских. Первые известны под именем половцев (Palausen), а вторые - секлеров, или сейкелев. Как те, так и другие довольно отличны от мадьяр и по языку, и по

¹⁵ См. также: *Bieltz*. Handbuch der Heimathskunde v. Siebenbürgen, 1857. Hermanstadt; *Söllner*, Statistik v. Siebenburgen, 1818; *Salzer*, Reisebilder in Siebenburgen, 1860; *Schuster*. Siebenbürgisch-Sächsische Volkslieder, 1865; *Frank*. Siebenbürgens hervorragende Bestimmung als Industrie. Land, 1868; *Obermüller*. Die Herkunft der Stekler, 1872.

условиям быта. Мадыар из пушты с трудом уже понимает половца. Язык секлеров тоже довольно отличен от мадыарского собственно, или литературного языка. Что же касается куманов (Kunen) и языгов, (Iasen), живущих в пуште, то они считаются чистейшими представителями мадыаризма. В других частях Венгрии мадыары являются уже сильно перемешанными с инородцами: на севере - со словаками, на востоке - с русскими и румынами, на юге - с сербами, на западе - с немцами и т. д. Вне вышеозначенной пограничной черты они являются уже в меньшинстве более или менее значительном. Есть, как мы видели, мадыарские (секлерские) поселения и в Буковине, есть несколько сел и в Молдавии, имеющих особый выговор (з, ц, с вместо ж, ч, ш, как у мазуров). Но эти дробные осколки племени не имеют значения. Не нужно затем забывать, что по всей Венгрии, может быть, найдется не более двух-трех жупаний, где мадыары живут не смешанно с другими народностями. Во всех же других жупаниях они перемешаны страшным образом со славянами, румынами и немцами. Что касается городского населения Венгрии, то в составе его находится самый ничтожный процент мадыар, например в Пеште, Пожуне, Кошицах, Шопроне (Оденбурге). Собственно же мадыарские города, как, например, Дебрецин, Солнок, Кечкемет и др., называются городами лишь по недоразумению, это не более как большие села.

Мадыары занимают почти так же исключительно долины и равнины, как семиградские румыны - холмы и горы. В самом деле границы мадыар и румынов странным образом вполне почти совпадают с орографическими очертаниями страны. То же почти относится к границам между землями мадыар и словинов. Даже за Дунаем мадыары сидят преимущественно в равнинах, а в горах - уже немцы. Мы не хотим сказать, чтобы все пространство обеих среднедунайских низменностей было занято мадыарами, а только утверждаем, что громадное большинство, может быть, до 80 % мадыар живет в равнинах, в низменностях. Исключение более значительное составляют вышеупомянутые половцы на севере и секлеры на юге. Но они не представляют уже столь чистого мадыарского типа.

Из того обстоятельства, что масса мадыар занимает равнины и притом очень плодородные, естественно проистекает земледельческий характер этого народа и его зажиточность. Мадыар почти в такой же мере может быть назван земледельцем, как и румын придунайский, малоросс или болгарин. Даже громадные белые волы с большими рогами южнорусских степей и молдо-валашской низменности представляются нераздельным спутником мадыара в его пущах. Усвоив себе, таким образом, земледельческие инстинкты своих славянских и румынских соседей, мадыар принял от них и много

других бытовых условий, много первобытной поэзии, патриархальной простоты и даже добродушия под маской грубости и холодности. Дикие же инстинкты старой природы с большей силой уцелели лишь в пастушеской части народа. Быть может, они и тут давно бы замерли, если бы тысячелетняя история этого народа не представляла непрерывной почти смены войн сначала наступательных, потом оборонительных и снова наступательных - войн, поддерживавших в народе жажду крови и хищнические инстинкты. Приютом для этих хищников были степи Потисья и Подунавья, Баконский лес, горы Семиградья и т. д.

Мадыарские мужики совсем не питают той злобы к другим, особенно славянским народам, как их нетерпимая интеллигенция. Напротив того, они легко с ними братаются и с большим недоверием относятся к немцу, чем к славянину. В этом случае мадыарская интеллигенция столь же мало представляет чувства и интересы своих масс, как, например, польская шляхетская интеллигенция. Конечно, имея в своих руках кафедры церквей и школ, весь авторитет власти и всю энергию фанатизма, возможно привить новому поколению народа такие чувства и понятия, какие чужды были его отцам и дедом. В последние десятки лет мадыары немало преуспели в этой проповеди вражды к людям и суеверного самомнения. Но все-таки и теперь еще главный фундамент мадыаризма, его чаяний и стремлений его бреда и фантазий заключается не в народе, а в сословии, в шляхте - совершенно так же, как и в Польше. Вообще прошлое и настоящее этих двух стран и народностей - Польши и Венгрии, поляков и мадыар - представляет много поразительных аналогий: то же разделение сословий, тот же фанатизм вероисповедный и народный, то же самовольство буйной и воинственной шляхты, слабость центральной власти, подавленность народных масс. Роднит мадыар с поляками и какая-то политическая близорукость, страшное легкомыслие и отсутствие серьезности в мыслях и деятельности. Истый, типический мадыар (шляхтич) всюду вносит с собой какие-то наезднические приемы: гусаром-наездником является он в армии, в политике, в администрации, в общественных отношениях, в науке и литературе; ничего не представляется ему неприступным, недостижимым; но если несколько бешеных приступов к чужой крепости отбито, то мадыар не предпримет правильной и продолжительной осады. Безумная храбрость и малодушное отчаяние как-то странно соседят в типе мадыара. Это обнаружилось и в событиях 1848 и 1849 годов.

Что касается физического типа мадыар, то в нем столь же мало уже можно теперь найти финского, как в остальных - тюркского. Они насквозь пропитаны элементом славянским, отчасти румынским и

немецким. Особенно относится это к аристократии – так называемой ныне «мадьярской», а прежде «венгерской», которая составила из народных ренегатов всевозможных народностей. Несколько десятилетий перед этим три четверти мадьярской аристократии и не понимали мадьярского языка. Официальным языком был тогда латинский, общественным – французский или немецкий, а семейным – очень часто славянский. Особенно словенский язык сильно был, да остается и теперь, распространенным между венгерскими аристократами, потому что главная сила венгерского аристократизма, особенно в прежнее время, сосредоточена была в Верхней Венгрии, то есть, на Словакине. Отсюда произошли Ердели, Палидеи, Кароли и другие фамилии. В турецкие времена богатые люди и не смели спускаться в долины. Другим центром венгерского магнатства была Хорватия, опять-таки славянская страна; третьим, наконец, Семиградье, где славянский элемент прежде был гораздо сильнее, тем более что к Семиградью принадлежали тогда горные части Потисья, например Мармарош, Сутмар. К тому же в XVI и XVII веках Семиградье при независимых своих князьях Заполье, Баториях, Бочкае, Гаврииле, Ботлене, Текели, при Раковских (Rakovszky) находилось в непрерывной почти связи с Верхней Венгрией, населенной словаками и русскими.

Нельзя поэтому отрицать, что многими своими традициями магнатство венгерское связано со славянами. Да и теперь еще в среде венгерских аристократов тайное знание славянского языка довольно распространено. К сожалению, они мало пользуются этим знанием для усвоения себе сокровищ славянских литератур. То же должно сказать и об огромном большинстве мадьярской средней и низшей шляхты: по крайней мере 80 % оной обладают знанием одного из славянских языков, но очень многие скрывают это компрометирующее в политическом отношении обстоятельство, и никто не интересуется славянскими литературами, из коих по крайней мере русская могла бы, кажется, достаточно вознаградить их за знание славянского языка. Отворачиваясь, таким образом, от всего, что напоминает славянство, они вступают в бесплодную борьбу с самими собой, со своими народными преданьями, своей кровью, своей физической и нравственной природой. В самом деле не нужно даже читать историю мадьяр, историю их прихода в долину Среднего Дуная и 1000-летнего там сожительства, большею частью мирного, со славянами, не нужно рыться в летописях – стоит лишь взглянуть на мадьяра, на его деревню, его дом, обстановку, нравы и обычаи, чтобы убедиться, что он почти в такой же мере, как и румын, насквозь пропитан славянскими стихиями. Даже мадьярский танец чардаш есть ни дать ни взять славянская коломыйка; их костюм – аттила,

их гусарские штаны, их высокие ботфорты - все это словенское или хорватское и уж никак не гуннское или угро-финское наследие. Мотивы их музыки, их песен напоминают либо славянские, либо румынские. Правда, и запад европейский оказал на них свое влияние; но оно отразилось более на поверхности народной жизни, на высших слоях народа, на интеллигенции и городском населении. В деревнях только высокая готическая колокольня напоминает запад, но и ее вид достаточно парализуется несколькими окружающими ее оригинальными славянскими колодцами («журавли») в виде громадных весов, на одном рычаге которых висит камень, а на другом - ведро с водой. Правда, что религия у большинства мадьяр западная, а не восточная. Но есть и православные мадьяры, очень твердо придерживающиеся своей «старой веры», каким именем вообще называется православие в Венгрии. Я имею в виду несколько православных мадьярских селений на так называемом потисском «пиру» (березняке), за Дебрецином, Дорога, Бесермени и т. д. Эти дорожские мадьяры очень твердо держатся православного богослужения, даже донныне на славянском языке. Называют они себя *Orosz ember* (русский человек), хотя не говорят по-русски и даже не понимают этого языка. Таких православных мадьяр есть там несколько десятков тысяч. Трудно сказать, древние ли это мадьяры или омадьяренные впоследствии русские или сербы (так как и сербские колонии гайдуцкие находились здесь некогда). Но, во всяком случае, это доказывает непримиримость православия с мадьяризмом. Некогда, в X-XI веках, православие, как известно, господствовало во всей Венгрии и Семиградье. Еще в XIII веке Иннокентий III жаловался на многочисленность в Венгрии монастырей православных и на малочисленность латинских. На народном гербе Венгрии поныне красуется шестиконечный крест. Непрочность же католицизма в мадьярском народе, несмотря на все усилия католического духовенства и на громадное влияние богатого и образованного латинского клира, обнаружилась в XVI веке, когда в одно поколение вся почти Венгрия совратилась в протестантизм. Известно, какие меры употребляли потом Габсбурги (особенно Леопольд) для восстановления в Венгрии католичества. Однако это и поныне еще не удалось. Хотя в Венгрии католики имеют большинство, но между мадьярами народным вероисповеданием считается кальвинизм, а не католичество, и Дебрецин, а не Остригом считается теперь мадьярским Римом. И знаменательно то, что не лютеранство, а кальвинизм привился к мадьярскому народу; то же заметно в Чехии, где между славянами почти нет лютеран, а есть кальвинисты.

Из сказанного можно уже отчасти видеть, в какой значительной степени сроднилось мадьярство со славянством, и как много сход-

ного между ними в преданиях, в быте, в учреждениях, в характере и нравах. Однако последние поколения мадьярской интеллигенции по какому-то странному и роковому заблуждению решились эмансипировать мадьярство от славянства; мало того - решились поставить их во враждебные отношения, принести, наконец, славянство в жертву мадьяризму, или правильнее - германизму. Начали они эту Сизифову работу с такой энергией и фанатизмом, повели ее с такой безразборчивостью и беззастенчивостью, какие напоминают политику Польского государства во второй половине прошлого века. Из мадьяризма они создали себе какого-то золотого тельца, в жертву которому решились принести все: свободу народов, их благосостояние и образование, честь лица и святыню семьи... Для омадьярения всех венгров они считают все позволительным. Как некогда римляне говорили: *fiat justitia, pereat mundus*, так теперь мадьяры: *vivat Madjarismus, pereant ustitia, mundus*. Всякая законодательная мера, касается ли она судов или администрации школ или церквей, науки или искусства, путей сообщения или филантропических учреждений, - все оценивается прежде всего с точки зрения мадьяризма. И ничто не могло задержать их на этом пути, пока гром, не грянул над их головой в виде угрожающего банкротства. Дай Бог, чтобы последовало благодетельное отрезвление, потому что тот путь неминуемо довел бы не одних мадьяр, а всю Венгрию к тому, к чему доведены были сто лет тому назад подобным же своеволием шляхты государство и народность польская.

Такое положение вещей слишком резко бьет в глаза каждому путешественнику в Венгрии. Некоторое знакомство с этими обстоятельствами необходимо и для понимания литературных отношений венгерских народов, особенно же мадьяр, русских, сербов и словаков. Немцев не упоминаю я здесь потому, что хотя число их в Венгрии довольно значительно и влияние сильно, но это влияние обращено более на торговлю и промышленность, чем на литературу и политику. Немцы и евреи предоставили мадьярам философствовать и разглагольствовать на комитатских и городских собраниях, на сейме и т. д., а сами позаботились прибрать в это время в свои руки все более выгодные статьи экономической деятельности, овладели народными капиталами, сделали большую часть мадьярской знати и интеллигенции своими должниками и, таким образом, стали фактическими господами страны. Мадьяры же распространяют свой язык среди словаков и венгерских русских в Банате и Семиградье, мадьярят славян, немцев и румынов. Что же дают они прозелитам своим взамен оставленного, кроме синекур, денег, власти? Чем питают они их духовную жажду? К счастью мадьяр, эта жажда не оказывается у прозелитов столь отвлеченной: они могут утолить ее

и хорошим токайским или флавским! Остальное удовлетворяется политическими брошюрами да романами Этвеша, Токая и др. Академия наук издает, правда, и серьезные книги¹⁶, Историческое общество также описывает некоторые архивы, разбирает старину. Но кто станет это читать между мадьярами, кроме самих же пишущих! По недостатку читателей серьезных книг и пишется очень мало. Да и кто их пишет? Те же немцы, словаки, евреи: Гунфальви, Будеяц, Шупала, Вамбери и пр.

Контроль общественного мнения над произведениями мадьярской науки и литературы не идет далее наблюдения за направлением, то есть охранения чести своих признанных героев, достоверности своих привилегированных исторических источников (как Аноним короля Белы) и подавления всего, что пахнет в мадьярской истории и быте славянством. Вследствие такого «общественного контроля» почти все, что пишется в Венгрии из области отношений международных, запечатлено характером страшной односторонности, тенденциозности. И тут нет исключения. Возникла эта тенденциозность, особенно между венгерскими историками, уже давно; от нее не свободны и старые историки, как, например, Прай, Бель, Катона, Фейер. Но чем новее сочинение, тем эта струя сильнее и глубже. В исторических работах Хорвата, Толди, Феслера, Сопая эта тенденциозность доходит до крайних пределов. Где нет извращения фактов, является умышленное их опущение. Поэтому славянским историкам приходится совершенно заново строить всю венгерскую историю, так как выстроенная мадьярами не имеет фундамента.

Содержание венгерских архивов еще очень мало известно, особенно то, что там хранится из писанного на славянских языках или касающегося до участия славян в венгерской истории. Все это умышленно игнорируется исследователями мадьярскими; поэтому было бы в высшей степени желательно, чтобы русские ученые обратили внимание на венгерские архивы, так как для местных славянских ученых они очень труднодоступны, а часто и совсем недоступны. Особенно заслуживали бы внимания после государственного архива Венского (Hof-und Staatsarchiv) еще земский (landesarchiv) и катедраальный (Министерства финансов) архивы Пештские, из которых в первом заключаются документы для внутренней административной, а во втором - для финансовой истории Венгрии. Затем для истории Верхней Венгрии (словацкой и русской) должны быть важные документы в монастырских архивах Лелешском (в Землинском комитате) и Ясовском (в Абауйском комитате), где были так называ-

¹⁶ Например, Monumenta Hungariae historica. Вышло уже 45 томов под редакцией Венцеля.

емые locus credibilis для Северо-Восточной Венгрии. Много материала должно скрываться также в архивах городских, епископских (например, в Унгваре, Банской Быстрице) и частных фамильных¹⁷. Для археологического изучения Венгрии важен центральный музей в Пеште, основанный графом Сечени и хранящий много древностей, особенно из Верхней Венгрии¹⁸. К сожалению, и тут старина славянская отодвинута на задний план.

В этнографическом отношении много данных о населении Венгрии, особенно за последние века, собрано в известном труде Чернига «Австрийская этнография». Мадыарские ученые не занимаются своей этнографией, считая эту науку противной их культурному призванию и их политическим интересам. Они боятся, например, точной этнографической переписи народа, боятся своей «тени». Этнография и потому уже не пользуется особенной любовью мадыар, что эта наука, имея предметом народный быт, переносит центр народности из интеллигентных сословий в простые массы. Быть может, мадыарские ученые и сами сомневаются в том, чтобы, изучив оригинальные основы мадыарского народного духа и быта, им удалось открыть там достаточно мотивов для выработки из них самостоятельной мадыарской культуры, равнозначительной другим великим культурным типам: романскому, германскому, англосаксонскому, славянскому. Не имея же у себя перед глазами и под ногами твердой и вместе с тем новой идеальной основы, они принуждены копировать чужие более или менее устарелые образцы, переводить немецкие оригиналы на мадыарские.

Но довольно о мадыарах. Скажу теперь несколько слов о тех славянских народах, на которые преимущественно обращены их стремления к мадыаризации, именно о венгерских русских и словаках.

Венгерские русские, или русняки замечательны не столько по своей численности (около полумиллиона), сколько по территории, которую они занимают, и по своим этнографическим особенностям. В большей или меньшей частоте и плотности они населяют весь венгерский склон Центральных Карпат, от истоков Попрада и Вага до истоков Тисы. Западная граница, отделяющая их от словаков в собственном смысле, определяется приблизительно так: водораздел Попрада и Вага - западная граница Спишской жупании; в Гемерской граница идет мимо сел Вернар, Телгарт, Шумяц; далее по горам,

¹⁷ Например, в Мукачеве, архив графа Шенберна, очень важный для истории венгерских русских.

¹⁸ Cp. *Ronier*. Illustrierte Führer in die Munz- und Alterthunisabtheilung des hungarischen National Musennis. Budapest, 1873.

мимо Рожнавы до г. Мешковца и р. Тисы¹⁹. Следовательно, линия эта почти совпадает с рр. Шаявой (Sajo) и Тисой. Выше г. Гушта граница идет по горам, отделяющим Мармарош от Сутмарской жупании. Крайний юго-восточный пункт почти совпадает с политической границей Венгрии и Семиградья. Более или менее значительные острова русского населения находятся далеко в «Ниру». Например, в селе Бесермени и донине должно быть до $1\frac{1}{2}$ тысячи душ, говорящих по-русски. Много есть и других отдельных селений русских в Заболотской (Szaboles) и Сутмарской жупаниях, до самого почти Дебрецина, где тоже есть несколько сот русских, и который представляет население из трех племен: русского, волошского и мадьярского.

Таким образом, русская народность в Венгрии обнимает приблизительно следующие жупании: Мармарош, Угочу, Берег, Уж (Ужгород), Землин, Шариш, Спиш, Абауйвар, Торну и части Гемерского, Боршодского, Заболотского и Сутмарского комитатов. Были некогда русские поселения и гораздо далее, именно в Новоградском комитате, и даже по ту сторону Дуная (Oroszvar), но от них ничего теперь не осталось, кроме названий деревень и урочищ. Подобно Галицкой, территория венгерских русских, или, лучше сказать, Закарпатской Руси разделяется тоже на Верховину и Подолье, часть которого за Тисой зовется здесь Ниром (березняк?). Впрочем, и самая Верховина должна быть здесь подразделена на две части: первая - юго-восточная, или группа Черной Горы (между Коломыйщиной и Мармарошем), у истоков Тисы, до Талабора и Ломницы; далее на севере и северо-западе горный хребет все понижается и в Землинском, Шаришском, Спише представляет уже гораздо меньшие высоты и лучшие переходы. Этот двоякий характер закарпатской Верховины отразился и на ее населении. Юго-восточную, меньшую ее часть (Черногорскую) занимают лишаки, которые по типу, языку и обстановке быта очень мало разнятся от коломыйских и буковинских горцев и гуцулов. Затем, за р. Талабором на севере и северо-западе, живут уже лемки, или лемаки, которые тянутся до самого Попрада. Они соответствуют по своему положению, а отчасти и типу галицким бойкам. Таким образом, лишаки занимают собственно лишь Мармарош да часть Угочской жупании: все остальное, то есть $\frac{3}{4}$ русской закарпатской территории, занято лемками. Юго-западная часть лемков (около Шаришского Потока, Уйгеля и т. п.) носит еще частное прозвище сотаков.

¹⁹ Я сам не имел возможности объехать всю эту линию. Обозначаю же ее на основании указаний известного знатока народных отношений Венгрии А.И. Добрянского.

По типу и быту лишаки, подобно гуцулам, обнаруживают в себе немалую примесь волошской крови. Это как бы составная еще часть этого мунтянского населения, о котором говорено выше. Связь же гуцулов коломыйско-буковинских и мармарошских самая тесная и непрерывная. Дорога, связывающая Сигот с Коломыей²⁰, два главных крайних пункта Гуцульщины, непрерывно кишит подводами с той и другой стороны. Ярмарки коломыйские посещаются мармарошцами и наоборот. На мармарошские «полонины» (альпийские пастбища у польских горалей – *hali* или *holi*) гоняют свои стада югасы коломыйские, конечно, по взаимному соглашению. При этом западная, венгерская сторона гуцульской Черной Горы считается лучшей, богатейшей, «образованнейшей». Сигот считается более цивилизованным городом, чем Коломыя или Куты. В первом можно купить хороший пояс, пряжку, шляпу, а в последних – лишь кукурузу да пшеницу. Гуцулы галицкие ходят иногда на заработок в Венгрию, но не наоборот. То же замечается и в Землинском комитате. Русняки венгерские считаются и тут как бы более благородной расой, чем их галицкие соседи. Последние считают большой честью выдать свою дочку замуж в Венгрию, по ту сторону гор. И чем далее к западу, тем народ считается образованнее. Впрочем, последнее не относится к мадьярам, а к словакам. Например, в Берегском или Землинском комитатах в разговоре с барином крестьянин любит вернуть словенское словечко, чтобы показать, что и он-де не совсем уж прост и невежествен.

Словенский язык (то есть язык словаков) считается здесь почти такой же принадлежностью образования, как в Галиции польский. При таком взгляде на язык и при непрерывных сношениях русняков, особенно лемков, со словаками нечего удивляться, что язык первых значительно пропитан словенизмами. Это заметно уже в Гуште, отчасти даже в Сиготе (*най ся пачит*, то есть пожалуйста; *айно* = да; *вшитко* = все и т. д.). С Землинского же католичества и до Спиша эта примесь словенизмов в словах, оборотах, даже формах является уже столь сильной, что во многих случаях вы должны назвать этот русский язык уже ословенившимся. Лишь православная вера хранит еще в этих местах память русского имени, след русской народности. В тех же селениях, где заведен католицизм, а имя русское исчезло, народ по наставлению ксендзов зовет себя словаками или просто католиками, то есть нерусскими.

Вообще, должно заметить, что русская народность считается в Венгрии самой последней и как бы позорной. Как ни свысока смотрит мадьяр на словака, и как ни презирает он его и ненавидит, од-

²⁰ Через с. Ясины.

нако, когда придется выбирать даже между словаком и русским, то мадьяр нимало не задумается подать руку первому. Поэтому мадьяры желали бы всех русняков обратить если уж не в мадьяр, то по крайности в словаков. Все-таки словаки – католики либо протестанты; все-таки они не носят и такого грозного имени, как эти русские!

Грозны для мадьяр эти русские не только своим именем, но и важностью той территории, какую они занимают. В их руках находятся все проходы через Карпаты от Татр до Кирли-Бабы. Они господствуют над всей Северо-Восточной Венгрией. Значение этой территории и в древнее время видно из многих здешних замков, игравших значительную роль в венгерской истории. Начиная от Сигота, тянется целая сеть таких замков; Сигот, Вышков, Гушт, Кирали-Газа, Мукачев, Середня, Унгвар, Сборов, Капушанский замок, Шариш и т. д. Целью их было, с одной стороны, охранять проходы через Карпаты, а с другой – господствовать над соседней низменностью, над течением многочисленных выбегающих из русской территории рек.

И какой-то дивный исторический инстинкт словно приковал горсть русского племени к этим бедным, хотя прекрасным горам. Долина манит их всеми обаяниями богатства и довольства, но русняк сидит в своей глуши, как бы не доверяя этому подолью, как бы не любя его! Правда, летом он спускается в дол на работы, сплавляет туда лес, жнет пшеницу и кукурузу, косит сено, собирает виноград – и возвращается назад в свои родные горы. Да и тогда русняк не отваживается проникать далеко в пушту: мармарошец доходит до Дебрецина, Землинец, до Токая и Мешковца, далее же предоставляется поле словакам или волохам. Да и может ли однообразная, знойная, часто безводная и всегда почти безлесная пушта заменить русняку его привольные прохладные горы с здоровым ветром, ключевой водой и темными лесами?

Мадьяр, напротив того, очень неохотно поселяется в горах. Прежде было много мадьярских поселений в Шаришской жупании, но теперь и след их исчез. Лишь большая грубость и буйство некоторых шаришских русняков заставляют в них предполагать обрусевших мадьяр. Правда, вы очень часто услышите мадьярский язык и в Сиготе, и в Гуште, и в Мукачеве, и в Унгваре: но это ведь орган администрации, судов, школ и интеллигенции! Притом же и эти мадьяры не более как ренегаты русской народности или даже печальные ее жертвы! Как удивился я, услышав на торжественном собрании русского общества Василия Великого (в Унгваре) большую часть прений и речей на мадьярском языке! А между тем главное содержание этих речей составляла оппозиция против наклонной к мадьярам политики нынешнего мукачевского епископа Панковича. Но виновата ли эта интеллигенция русского народа в Венгрии, что все свое

образование она принуждена была получать на мадьярском языке? Виноваты ли эти люди, что не имеют ни одной русской гимназии - ни мужской, ни женской и потому должны в своем собственном центре, в Унгваре, учиться по-мадьярски? С другой стороны, имеют ли они возможность дополнить домашним образованием эти недостатки своих школ? Вся их местная литература состоит из одной газетки (прежде «Свет», «Сова», затем «Новый Свет», а теперь «Карпат») да нескольких брошюрок²¹. Книги русские из России считаются здесь самой опасной политической контрабандой. Немецкий язык довольно распространен в Верхней Венгрии (около Кишиц, Пряшева), но в восточных русских жупаниях мало кому знаком. Что остается этой русской интеллигенции другого, как питаться мадьярской литературой! Вообще, нет в славянском мире народности, более подавленной в духовном смысле, чем эти венгерские русские. И нельзя сказать, чтобы не было в среде местных людей сознания этого странного положения. Но что пользы от сознания болезни, когда нет в руках средств для ее излечения? Народ беден; его помещики, за малыми исключениями, - чужеродцы или ренегаты; его духовные пастыри связаны волей мадьярского (в Мукачевской епархии) епископа или крохами той правительственной субсидии, какую они получают под именем «*congrua*»²²; его воспитатели, администраторы, судьи - либо инородцы, либо запуганные люди, которые не решаются поднять голос за народные интересы. Имеют эти русские несколько представителей в сейме, но лишь один из них не стыдится своего русского имени: да один в поле не воин!

Несколько лучше положение дел в Пряшевской епархии, где епископ не отделился от своей паствы, как мукачевский, где поэтому духовенство менее связано в своей деятельности для народа. Есть в Пряшеве и одно общество (Иоанна Предтечи), которое содержит до 40 стипендиатов из бедных русских учеников местных школ. Но и эти стипендиаты все-таки принуждены уже с первых классов гимназии проходить весь курс на мадьярском языке!

Еще печальнее женское образование этих русских. Единственная женская школа здесь суть монастырская, в женских католических монастырях в Кошицах, Бардееве, Унгене, Унгваре: здесь русские девушки получают образование в католическом и мадьярском духе! Но самое печальное положение тех русских, которые живут

²¹ Например, Уриила Метеора «Крейцарова комедия», где осмеян Панкович с его сателлитами.

²² Нормальный оклад священника определен в 300 флоринов. Если доход с земли и треб не приносит этой суммы, то недостающее выдается из религиозного фонда под названием *congrua*.

рассеянно островами в среде мадьярского населения. Те решительно теперь гибнут в народном смысле, и разве какой-нибудь *deus ex machina* в состоянии спасти их от мадьяризации.

Литература этого народа столь же бедна, как он сам, как и сведения об его прошлом и настоящем. Лучшим историческим исследованием еще остается труд Баянловича «История Базилианского монастыря в Мукачеве». Историю и топографию Землинского комитата обрабатывал граф Ширмай, Спишского - Вагнер, а Гемерского - Бартоломеидев. Бидерман не окончил, к сожалению, своей истории венгерских русских (*Ungarischen Russen*, 1862. II т.). В настоящее время печатает на русском языке историю Венгерской Руси о Дулишкович (в Чинодееве, около Мукачева). Он воспользовался, между прочим, Лучкаевской рукописью «Церковной истории венгерских русских», которая хранится, в нескольких фолиантах в Унгварском епископском архиве. Я имел в руках несколько листов истории о Дулишковича; но она вращалась еще в области славянских древностей. Несколько любопытных исторических документов о прежней автономии русского княжества в Венгрии издал Добрянский в своей «*Rede in d. Adress-Angelegenheiten*» (1861). Они извлечены из Лелешского архива, о котором упомянуто выше. О. Кустодиев (в Пеште) обладает теперь некоторыми рукописными трудами о. Духновича, как-то «Краткая история Венгерской Руси»; «История Пряшевской епархии» и т. д. Не лишены интереса и напечатанные уже оригинальные статьи о. Кустодиева: «Конгресс католиков Венгрии и угорские русские» (1872), «Церковь угорских русских и сербов» (1873). Но вообще должно сказать, что история этой любопытной и важной части русского племени и русской территории еще ждет изыскателей. Изыскания эти должны быть произведены в двух направлениях - этнографическом²³ и археологическо-историческом²⁴. Это была бы прямая обязанность наших ученых. По моему скромному мнению, подвиг этих русских, перенесших границы русского племени по ту сторону Карпат, есть один из величайших и важнейших подвигов русского народа на поприще всемирной истории.

Перехожу теперь к ближайшим соседям и соплеменникам венгерских русских - словакам. Как территория, так и народность этого племени принадлежит к числу любопытнейших и замечательнейших

²³ Материал, обнародованный г. Головацким в *Чтениях Московского общества истории и древностей*, мне еще неизвестен.

²⁴ Повторю еще раз о необходимости обозрения архивов: Лелешского и Ясовского, Унгварского епископского и Мукачевского – гр. Шенберна. О. Дулишкович воспользовался, как я слышал, некоторыми рукописными материалами (Унгварского архива), но в очень незначительной лишь степени.

на славянском западе. К сожалению, собравшись туда уже зимой, я мало имел возможности ближе и непосредственнее ознакомиться с этой страной. Я провел на почве словенской лишь несколько недель (в Турчанской, Зволянской и Пажурской жупаниях); между тем для ближайшего с ней ознакомления понадобился бы не один месяц.

Территория словаков определяется следующей чертой: Дунай от Пожуна до Пешта; затем линия от Пешта, по склону Матры под Мешковец, где является сочетание трех элементов: русского, словенского и мадьярского; дальше вышеозначенная линия русской народности до Кралевой голи и Ламницкого шпица; затем Татры и Бескиды, по водоразделу Вислы и Дуная, близ политической границы Венгрии, которая перейдена словенской народностью лишь в Моравии, где река Морава отделяет приблизительно диалектическию область Словенскую от Чешской. На описанной территории живет свыше 3 миллионов населения, в том числе лишь несколько процентов несловенского (мадьярского и немецкого). Но и вне этой линии есть значительные колонии словенские, например Чаба, Сарваш и т. д., достигающие на юге до Баната и кое-где даже до военной границы. В смысле колонизационном едва ли какой народ можешь сравняться со словаками. Даль их не пугает, а, напротив, как бы манит к себе. Это выражается и страстью словаков к кочевой коммерции, которая ведется ими не только в Венгрии, Чехии, Моравии, Польше, но и по всей России, вплоть до Иртыша и Оби. А некоторые пресбургские (из св. Зора) ходебщики осмеливаются проникать и в Западную Европу и Америку. Центром этих кочевых словенских торговцев служит Турчанский комитат, именно одна его околица, называемая Держава. Из этой Державы, обнимающей дюжину деревень, ходебщики отправляются в самые отдаленные даже губернии России. Я беседовал в г. Кляшторе под Зниовом (столица этой Державы) с одним стариком, который еще в 40-х годах пробирался со своими компаньонами до Тобольской губернии. Торгуют они полотняными и суконными, а также и разными галантерейными предметами. Многие из этих державцев приобрели значительное состояние (до 100 000 флоринов). Живут они просто, но с известным комфортом - с самоварами, хорошей боровичкой и т. д. Они считаются наиболее развитыми и патриотическими из словенских крестьян. Быть может, этому кочевому промыслу державцев немало обязан и вообще Турчанский комитат своим теперешним первенством в народном отношении перед всеми другими. Ходят еще на промысел и из Оравского (blachari и др.) и Трепчинского (polejkarí и др.), но не в таких размерах, как из Турца.

Вследствие этих частных блужданий по славянским землям знание других славянских наречий, и в том числе русского, довольно

распространено между словенским народом. Русских они даже называют обыкновенно тоже словаками, а русский язык считают словенским, как серба - сербским, только с другим-де выговором. Не на этой ли почве выросли славянские идеи словаков Галлага, Коллара, Шафарика, Штура, Гаджи, Гурбана и т. д., которые утвердили за словаками имя панславистов? В самом деле, в этом отношении словаки опередили не только чехов, но и все почти другие славянские племена.

Но что пользы от идеи, хотя и возвышенной, когда некому и нет способов осуществить ее! А словаки - народ вообще бедный, хотя и не в такой степени, как русские верховиняне. Особенно скудна природа в трех горных жупаниях: Оравской, Тренчинской, Линтовской, а затем и в Турчанской. Немногим лучше и Зволенская, Гемерская, Тековская жупания, большая часть которых покрыта более или менее высокими горами. Богаче и плодотворнее низменные части Нитранской, Пожунской, Новоградской и т. д. жупаний, но сюда уже направился поток мадьяризма, отчасти успевший оттеснить словаков в горы.

Знати на Словачине много: в турецкие времена это был главный приют аристократии. Но она не хранит ни языка, ни интересов своей народности. За малыми исключениями, она мадьярствует самым лютым образом. Еще больше страдает тем же пороком низшая шляхта, нищая, но заносчивая (вроде польских «однодворцев»). Собственно говоря, эта последняя, а не магнатство, и задает теперь тон в Венгрии. Она пересилила магнатов в комитатских и избирательных собраниях и успела даже терроризировать свою знать в такой степени, что мадьярские или вообще венгерские графы и князья не смеют публично иначе и говорить, как на мадьярском языке. Зовет себя эта мелкопоместная шляхта земанами - иначе интеллигенцией, хотя часто такой интеллигент едва грамоте умеет. Горячится же эта интеллигенция за мадьяризм потому, что он ее кормит, дает ей монополию всех публичных должностей, дает синекуры, словом - хлеб.

Из кого же состоит здесь действительная и независимая интеллигенция словенского народа? Из нескольких решительных «фанатиков народности», нескольких самоотверженных адвокатов, священников, писателей, учителей. Счастье словенскому народу, что есть хоть несколько таких в его среде! Они спасают его нравственный авторитет, его предания, лелеют его мечты, создают его будущее. В другой стране и народности достаточно иметь знание и талант, чтобы сделаться писателем, ученым, публицистом. Но в среде этих загнанных народностей нужно гораздо более того: нужна еще решимость на борьбу с нуждой, с общественной оппозицией, с народным безучастием. Поэтому несправедливо было бы оценивать на одну мерку

заслуги первостепенного, например, поэта или ученого словенского с мадьярским, польским, русским. Последние имеют за собой предание, а вокруг себя - поддержку и литературную, и нравственную. Писатель же словенский предоставлен единственно своему таланту, своей энергии, своему самоотвержению. Словак тоже имеет свой политический центр, имеет государство, за которое он столько раз проливал кровь; но это государство ничего не жертвует на его школы, его литературные общества, его народные предприятия. Государство взимает с него подати и налоги, но оно употребляет их на свои особые цели. На деньги словаков, русских, румынов, сербов Венгерское государство содержит мадьярские театры и академии, музеи и университеты, гимназии и политехнику; на эти деньги оно поддерживает мадьярские газеты и журналы, подкупает славянских избирателей, строит железные дороги, где это нужно мадьярским помещиками и политиками. Но на словенскую, например, гимназию, музей, матицу оно не израсходует ничего. Совсем другой смысл получает такая словенская гимназия, содержащая на последние гроши патриотов.

В настоящее время есть уже три частные словенские гимназии: одна полная (в Вел. Ревуцей) и две четырехклассные (Турчанский Мартин и Кляштор под Зниовом). Чтобы оценить самоотвержение учителей этих гимназий, достаточно сказать, что в Вел. Ревуцей учителя этой словенской гимназии и притом лучшие педагоги своего народа живут с семейством на содержании в 500 - 600 флоринов, а некоторые даже менее.

Свои газеты словенские журналисты издают при 500 - 600 подписчиках. О литературном гонораре здесь редко когда и речь бывает. Хорошо еще, если удастся найти издателя. В последнем отношении много пользы приносит словенская матица в Т. Св. Мартине. Ее *Летопись* служит единственным приютом для серьезных исторических, археологических и т. п. статей и исследований. В десятилетнее существование свое матица успела издать немало важных исследований из области местной истории и древностей (Сасинка, Гостинского, Заборского и др.). В последнее время усилиями Францисци и Павлини-Тота основано в Т. Св. Мартине еще другое Акционерное издательское общество, которое издало несколько десятков популярных книг, повестей (например, Калинчака), драматических пьес (Халупки и др.), учебников для народных школ и гимназий (Зоха, Ормиша, Кожелуги, Чулена и т. д.). Павлини-Тот издает *Narodne Noviny*, Ференчак - *Hlasnik*, Гурбан - *Evangelicke listy*, Лихард - *Hospodarske noviny*, Стракович - ежемесячник *Dunaj* и т. д.

Главным литературным центром словенским считается теперь Турчанский Св. Мартин как местопребывание наибольшего числа словенских писателей. Центром, около которого они здесь собраны,

служит матица. Более значительные словенские города, как Банская Быстрица, Нитра, Тренеин, С. Микулаш, не решались в 1861 году открыть в своей среде приют для матицы; вследствие того наименьший из словенских комитатских городов, Св. Мартин, стал во главе народного движения, стал в некотором смысле Вифлеемом словенского народа. Прежде не было постоянного и определенного центра словенской народности и литературы. При Палковиче и затем Л. Штуре таковым был Пожун, затем при Гожде - Св. Микулаш, при Францисци, Полярике и Викторине - Пешт; наконец, в последние годы Св. Мартин сосредоточил в себе наилучшие словенские силы: Францисци, Павлини-Тот, Ференчак, Сасипек, Мудроп; в соседстве же этого города живут Гочар, Чулен и мн. др. В Пеште тоже начинается словно просыпаться словенская народность (Бахат, Стракович и мн. др.), что выражается в предпринятии словенского ежемесечника *Dunaj*. Но это лишь робкое начало, неизвестно к чему имеющее привести. Издается, правда, в Пеште и политическая словенская газета *Slovenske Noviny* (ред. Бобуля); но она прежде не пользовалась доверием народа; в последнее, впрочем, время, по-видимому, изменилась к лучшему. В Банской Быстрице издается еще словенский листок, *Syornost*, но это официозный мадьярский орган. Из этого видно, что при подобных условиях о литературе словенской в настоящем смысле слова не может быть и речи. Но то небольшое, что явилось уже на словенском языке, особенно в области поэзии (Гольй, Сладкович, С. Халупка, Калинчак, Заборский, Штур), позволяет возлагать самые большие надежды на свежую силу и духовную производительность этого народа. Нужно лишь желать, чтобы жалкие современные общественные и педагогические условия переменялись здесь в духе справедливости и уважения к человеческому достоинству каждого лица и каждого народа.

Наконец, скажу несколько слов о современном положении науки и литературы в Хорватии, в столице которой – Загребе – я пробыл около месяца.

Хотя число хорватов и уступает количеству словаков, однако положение их, особенно в настоящее время, несравненно благоприятнее. Хорваты имеют свою округленную область, какой доньше не имеют еще словаки. За Дравой начинается область Триединого королевства, начинается почва особой историко-политической индивидуальности, которой не оспаривают и мадьяры, так как и сами они чувствуют под собой единственно эту историко-политическую почву, за отсутствием выгодной почвы этнографической или какой другой. Идея исторического права импонирует на мадьяр: по крайней мере, они не оспаривают ее гласно. Конечно, и венгерские русские ссылаются на свои старые автономические учреждения, на привилегии

своего Русского княжества; ссылаются затем и словаки на древнюю автономию Нитранского княжества, на старую независимость владетелей Вага и Грона. Но мадьяры не признают этих исторических преданий. В Триедином же королевстве они формально его не оспаривают; быть может, предания Елачича предостерегают их от этого; как бы то ни было, из всех народов венгерских одни хорваты считаются историческим народом наряду с мадьярами; одни хорваты смеют употреблять родной язык и в пештском сейме; одни они имеют свой отдельный земский собор, имеют провинциальную автономию. Таким образом, права хорватского языка в Триедином королевстве не оспаривались даже при мадьярских банах Радхе и Вакановиче. Они имеют гимназии, учительские семинарии, технические школы, юридическую академию с преподаванием на хорватском языке и свою Академию наук, довольно хорошо обеспеченную; в самом скором времени будут они иметь свой университет, чего даже чехи не имеют, хотя чешская народность почти втрое более сербо-хорватской в Австрии²⁵. Хорваты имеют администрацию и суды с делопроизводством на народном языке. Их «домобранцы» (ополченцы) имеют хорватскую же команду. Они имеют бана, ответственного перед народным собором, и притом должность бана занимает теперь один из лучших хорватских патриотов и писателей Иван Мажурич. Хорваты имеют далее несравненного мецената своей науки и литературы, заслуженного покровителя всех народных хорватских предприятий для общественной пользы - епископа Штросмайера. Число жертв, принесенных им на алтарь народности, определяется некоторыми суммой до миллиона флоринов. Он более других содействовал и основанию в Загребе Академии наук и университета. Но еще важнее принесенных им материальных для народа пожертвований есть то нравственное влияние, какое он имел своим патриотизмом на хорватское духовное и светское общество, возбуждая в нем любовь к родному знамени и мужество в борьбе за него. Наконец, и народ хорватский богаче словенского или угрорусского. За исключением некоторых граничарских полков (Ликский, Оточацкий, Огулинский), Хорватия и Славония занимают придорожные, а отчасти и благословенные местности (например, Нижняя Славония).

Литературное единение хорватов с сербами открывает значительный сбыт для их произведений и привлекает много сил на поприще хорватской литературы. С другой стороны, хорваты очутились наследниками богатых сокровищ литературных, завещанных потомст-

²⁵ Ныне, как известно, университет в Загребе уже открыт (Прим. ред.).

ву старыми далматинскими поэтами и скрывавшихся доньне в библиотеках и архивах Дубровника, Задра, Сплета, Загреба и т. д.

Соединение всех этих условий очень облегчило задачу хорватских патриотов и дозволило им в короткое время сделать Загреб - если не вполне еще, то хотя отчасти югославянскими Афинами. Нужно заметить, что и старая религиозная вражда, разделявшая некогда хорватов от сербов, в последнее время заметно ослабела. Хорваты не только не боятся вступить теперь в духовное общение с другими ветвями югославян, но даже вызывают на это и словенцев, и сербов, и болгар. Не без этой мысли, между прочим, и академию свою назвали они югославянской. В соответствии с этим и в ученую свою деятельность хорваты хотели бы включить все южное славянство. Не упоминая о старом иллиризме Гая, приведу лишь, например, Кукулевича *Архив за повиестнику югославенску* (XI тт.); Любича *Ogledalo Kusitevne poviesti jugoslavjunske*, его же «Нумизматику югославянскую» (печатается); Рачкаго «Борьба югославян в XI веке»; он же составляет ныне древнейшую историю югославянских областей на Балканском полуострове; Маткович, кроме изданных уже исследований топографических, например, о Боснии и Болгарии, занят в настоящее время изучением старинных итинерариев по югославянским областям Турции; Богишич издал один том «*Pisani zakoni u Jugoslavena*» и «Материалы для обычного права югославян» (в печати).

Таким образом, в исследованиях загребских ученых замечается утешительное расширение кругозора своего и на другие соседние славянские племена. Конечно, это может возбуждать некоторую ревность в ученых белградских, привыкших видеть в Белграде центр югославянства; но если эта ревность выразится в соревновании хорватам в подобном же направлении, то наука и жизнь югославянская могут лишь выиграть от этого.

Не менее чести приносит хорватам их заботливость об издании сокровищ старой далматинской литературы. До настоящего времени издано уже Загребской академией пять томов «*Sturpisci hrvatski*», именно - произведения Марка Марулича (I т.), Шишка Менчетича и Држица (II т.), М. Ветранича (III и IV тт.), Н. Димитровича и Н. Налешковича (V т.). Далее предполагают издавать Чубрановича и др. Когда этот цикл будет завершен (что потребует до 30-40 томов), тогда гораздо легче будет изучать историю далматинской поэзии, бывшей доньне доступной лишь для архивариев. Значительное число драматических сюжетов и отрывков древней дубровацкой драмы извлечено из рукописей г. А. Павичем и издано в его полезном труде «История дубровацкой драмы» (1871. Загреб).

Для исторического, археологического и литературного изучения южнославянских земель, особенно же Хорватии и Далматии, много материала издано Загребской академией в 25 томах ее сборника: *Rad* и в 5 томах *Starine*²⁶. Любич (кроме югославянской нумизматики) печатает V том *Monumenta spectantia historiam Slavorum* (материалы из венецианских архивов). Рачкий издал документы о заговоре бана Петра Гриньского и князя Франкопана (при Леопольде. *Acta conjurationem bani P-n Zrinio et com. F. Francopani illustrantia*. 1873. 8°, 596). Кроме того, он же prepares палеографическое издание памятников хорватской истории до начала XII века. Ткалич издал недавно *Monumenta Episcopatus sagrabiensis* (XII-XIII в.) Agram. 1873.

Кроме Академии наук, в Загребе есть еще одно ученое и два издательских общества, именно Общество для югославянской истории, Иллирская (теперь уже переименованная в Хорватскую) матица, Общество св. Иеронима. Председатель первого из названных обществ, многозаслуженный ветеран югославянской науки и литературы Кукулевич Сакцинский издал недавно 1-й том *Codex diplomaticus regni Groatiae, Slavoniae et Dalmatiae* (1874. Загреб), заключающий в себя 248 грамот (от 503 по 1102 год по Р. Хр.), извлеченных из 19 различных архивов и библиотек Далмации, Италии, Хорватии, Пешта, Вены и т. д. В конце приложен очень обстоятельный указатель исторический, топографический, юридический и т. п. Кроме того, печатается XII том *Архива* Кукулевича²⁷. Второе из названных выше издательских обществ, матица, в последние годы ничего не издавало. *Книжевник* ее прекратился немедленно с открытием академического *Rad*. В настоящее время матица предполагает предпринять опять свое особое издание для статей более популярного содержания молодых хорватских литераторов, для которых недоступно еще участие в академическом сборнике. Общество св.

²⁶ В 5-м томе Старин помещено, между прочим, несколько новых материалов для сербской письменности, извлеченных проф. Ягичем из рукописей Вука Караджича, Берлинской и С.-Петербургской публичных библиотек.

²⁷ Г. Кукулевич обладает, между прочим, довольно значительным собранием средневековых надписей, собранных им в различных местах Хорватии и Славонии (числом до 800-900). Было бы очень желательно дополнить эту коллекцию надписями далматинскими, истрианскими и пр. и издать их в печати. Любич тоже имел подобную эпиграфическую коллекцию, но уступил ее проф. Монзену, который и воспользовался этим материалом в недавно изданном III томе *Corpus Inscriptionum*, куда вошли именно надписи паннонские.

Иеронима издало несколько книжек для школ и народного чтения (например, популярную физику, составленную известным словаком Шулеком, хорватским лексикографом). Не уместно будет упомянуть здесь об основании в Хорватии нового Общества св. Кирилла и Мефодия, которое поставило своей целью поддержание боснийских школ, снабжение их книгами, учебными принадлежностями и т. д. Если общество это не сообразит в католическую пропаганду, то может принести несомненную пользу невежественным боснийским райям.

Заслуживает еще упоминания прекрасное издание полного собрания поэтических произведений Петра Прерадовича, одного из лучших новых хорватских лириков, несколько сродного нашему Лермонтову. Было бы очень желательно, чтобы наши поэты и критики поближе познакомились и русскую литературу с этим корифеем хорватской литературы.

Наконец, упомяну еще об одном обширном ученом предприятии хорватов, именно - о составлении исторического словаря сербохорватского языка (по плану немецкого словаря братьев Гримм). Затеян этот труд, конечно, Академией наук; ближайшее его ведение поручено было Даничичу. В настоящее время уже значительная часть старых далматских писателей и древних грамот исчерпаны для словаря. После отъезда Даничича в Белград заведывание этим делом перешло в руки Шулека, нынешнего секретаря Югославянской академии и одного из лучших ее членов. Во всяком случае, окончания этого обширного предприятия придется ожидать еще несколько лет.

Библиотечные и архивные богатства Загреба довольно значительны. Первопрестольная церковь, юридическая академия, Академия наук, наконец, музей имеют более или менее значительные собрания книг и рукописей. Академия наук недавно обогатила свою коллекцию рукописей покупкой нескольких десятков церковнославянских рукописей (большой частью священных и церковных книг) г. Михаловича. Значительной долей этих рукописей пользовался уже Миклошич для своего словаря. Самая замечательная из этих рукописей есть сербская Кормчая 1260 года. Она была уже рассмотрена и г. Ягичем, который, как я слышал, предполагает вскоре издать результат своих исследований.

Музей загребский обладает очень значительной нумизматической коллекцией (до 100 000 экз.), особенно полную по отделам сербохорватской нумизматики. Есть также несколько замечательных надписей на камнях, между прочим, верный оттиск знаменитой глаголической надписи, вырезанной на камне на о. Крке, которая должна принадлежать XI веку. В настоящее время каноник Рачкий занимается объяснением этой надписи, с которой сделан очень хороший фотографический снимок.

Довольно приведенных фактов, чтобы видеть, что литературное движение довольно сильно в Хорватии - особенно ввиду малой численности самого народа, в среде которого оно совершается. Стоит пожелать, чтобы движение это перешло за пределы самой Хорватии и оживило бы ученую пытливість и умственную деятельность в среде соседей хорватов - словенцев и сербов, чтобы новый Загребский университет сумел притянуть к себе массу югославянской молодежи, скитающейся по университетам всей Западной Европы, от Пешта, Градца и Вены до Лейпцига, Цюриха и Парижа.

Источник: *Будилович А.С.* Путевые заметки о долине Среднего и Нижнего Дуная // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Декабрь. Т. 176. С. 132-174.

Source: *Budilovich A.S.* Travel notes on the valley of the Middle and Lower Danube. Journal of the Ministry of National Enlightenment. Dec. 1874. Vol. 176. pp. 132-174.

Будилович Антон Семенович (1846-1908) - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.